

Научная статья | Original paper

Созависимость у женщин: исследование взаимосвязи между невротическими симптомами, эмоциональной регуляцией и агрессией

А.С. Колонова^{1,2}, А.М. Кукуляр^{1,2}, Е.Г. Денисова^{1,2} ✉

¹ Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Донской государственный технический университет,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ keithdenisova@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. В рамках современного психологического знания феномен созависимого поведения только начинает исследоваться, а эмпирические исследования носят фрагментарный характер. Настоящая статья является частью систематического исследования данного феномена и призвана отразить специфику взаимосвязи между заявленными личностными проявлениями у женщин, имеющих различную степень созависимости. **Цель.** Выявить и описать связь невротических симптомов и эмоциональных особенностей с проявлением созависимого поведения у женщин, а также специфику когнитивной регуляции данных состояний. **Гипотеза.** Предполагается, что степень выраженности созависимости связана с характеристиками аффективной сферы, проявлением невротических симптомов и агрессивностью, а группы испытуемых будут различаться по предпочитаемым стратегиям когнитивной регуляции эмоций, особенностям проявления эмпатии, показателям невротической симптоматики, тревоги и депрессии. **Методы и материалы.** В исследовании приняли участие 233 женщины в возрасте от 18 до 70 лет, из них 102 женщины, находящиеся в отношениях или состоящие в родстве с зависимым (алкоголизм, наркомания, нехимические зависимости). Использовались следующие методики: Шкала созависимости (Б. Уайнхолд, Дж. Уайнхолд); опросник «Ауто- и гетероагрессия» (Е.П. Ильин); Госпитальная шкала тревоги и депрессии (HADS); Шкала обсессивно-фобических нарушений Клинического опросника для выявления и оценки невротических состояний (К.К. Яхин, Д.М. Менделевич); Опросник когнитивной регуляции эмоций (Рассказова Е.И., Леонова А.Б., Плужников И.В.) и методика «Диагностика уровня эмпатии» (В.В. Бойко). **Результаты.** Вы-

раженность созависимости связана с характеристиками аффективной сферы, тяжестью симптомов тревоги и депрессии, а также обсессивно-фобическими нарушениями. Были выявлены значимые различия по показателям эмпатии, когнитивной регуляции эмоций, невротических симптомов и агрессии в исследуемых группах, в том числе между группами лиц, состоящих в близких отношениях с зависимой личностью и не состоящих в них, но имеющих высокий уровень выраженности созависимости. **Выводы.** Показано, что эмоциональная сфера и проявления агрессии созависимых женщин имеют свою специфику. Выявленные особенности указывают на роль созависимости как фактора эмоциональной дезадаптации и усиления невротической симптоматики. Полученные межгрупповые различия позволяют выделить мишени психологических интервенций при созависимости.

Ключевые слова: созависимость, женщины, агрессивность, эмоциональная сфера, созависимое поведение, аддиктивное поведение, алкоголизм, наркомания, нехимическая аддикция

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-78-10139 (<https://rscf.ru/project/21-78-10139/>) в Южном федеральном университете.

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в построении архитектуры исследования доктора биологических наук, профессора, академика РАО, руководителя регионального научного центра Российской академии образования при Южном федеральном университете П.Н. Ермакова.

Для цитирования: Коленова, А.С., Кукуляр, А.М., Денисова, Е.Г. (2025). Созависимость у женщин: исследование взаимосвязи между невротическими симптомами, эмоциональной регуляцией и агрессией. *Консультативная психология и психотерапия*, 33(3), 148—170. <https://doi.org/10.17759/cpp.2025330307>

Codependency in Women: Investigating the Relationship between Neurotic Symptoms, Emotional Regulation, and Aggression

A.S. Kolenova^{1, 2}, A.M. Kukulyar^{1, 2}, E.G. Denisova^{1, 2} ✉

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ keithdenisova@gmail.com

Abstract

Context and relevance. Within the framework of modern psychological knowledge, the phenomenon of codependent behavior is only beginning to be explored, and

empirical studies are fragmented. This article is part of a systematic study and aims to reflect the specific relationship between the stated personality manifestations in codependent women with varying degrees of codependency. **Objective.** To identify and describe the relationship between neurotic symptoms and emotional characteristics with the manifestation of codependent behavior in women, as well as the specifics of cognitive regulation of these conditions. **Hypothesis.** It is assumed that the severity of codependency is associated with the characteristics of the affective sphere, the manifestation of neurotic symptoms, and aggression, and that groups of subjects will differ in their preferred strategies for cognitive regulation of emotions, the characteristics of empathy, indicators of neurotic symptoms, anxiety, and depression. **Methods and materials.** The study involved 233 women aged 18 to 70 years, including 102 women who were in a relationship or were related to an addict (alcoholism, drug addiction, non-chemical addictions). The following psychological tests were used: codependency Self-Inventory scale (CSIS; B. Weinhold, J. Weinhold); questionnaire “Auto- and heteroaggression” (E.P. Ilyin); Hospital Anxiety and Depression Scale (HADS); scale of obsessive-phobic disorders of the Clinical questionnaire for the detection and evaluation of neurotic conditions (K.K. Yakhin, D.M. Mendelevich); Questionnaire for cognitive regulation of emotions (Rasskazova E.I., Leonova A.B., Pluzhnikov I.V.) and the method “Diagnosis of the level of empathy” (V.V. Boyko). **Results.** The severity of codependency is associated with affective characteristics, the severity of anxiety and depression symptoms, and obsessive-phobic disorders. Significant differences in empathy, cognitive regulation of emotions, neurotic symptoms, and aggression were identified across the subgroups studied, including those in close relationships with a dependent individual and those not in close relationships but with high levels of codependency. **Conclusions.** The emotional sphere and manifestations of aggression in codependent women are shown to have their own specific characteristics. These characteristics indicate the role of codependency as a factor in emotional maladjustment and the intensification of neurotic symptoms. Furthermore, these differences between the groups allow for the refinement of targets for psychological interventions for codependency at the personality level and offer prospects for the development and improvement of psychological interventions.

Keywords: codependency, codependent women, aggressiveness, emotional sphere, codependent behavior, addictive behavior, alcoholism, drug addiction, non-chemical addiction

Funding. The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 21-78-10139 (<https://rscf.ru/project/21-78-10139/>) at the Southern Federal University.

Acknowledgements. The authors are grateful for the help in building the architecture of the research to doctor of biology, professor, member of RAE, director of regional scientific center of Russian Academy of Education at the Southern Federal University P.N. Ermakov.

For citation: Kolenova, A.S., Kukulyar, A.M., Denisova, E.G. (2025). Codependency in Women: Investigating the Relationship between Neurotic Symptoms, Emotional Regulation, and Aggression. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 33(3), 148—170. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpp.2025330307>

Введение

Существует несколько современных взглядов на феномен созависимого поведения (Андронникова, 2017; Кулиш, 2018; Малкина, 2021; Политика, 2020). В настоящем исследовании в качестве методологической основы был использован подход О.А. Шороховой, в котором созависимость представляется как «...патологическое состояние, характеризующееся глубокой поглощенностью и сильной эмоциональной, социальной или даже физической зависимостью от другого человека» (Шорохова, 2002, с. 26). Личность созависимого обладает набором характерных черт, таких как отказ от своих собственных интересов и себя, заниженная самооценка, тяготеющее чувство вины, аутодеструктивные формы поведения, гневливость, высокая тревожность и т. д. (Гроголева, Деш, 2017; Полкова, 2018; Bokhan et al, 2013; Danilova, Gomba, 2021; Nordgren et al, 2020). Широко признается идея об обратной связи созависимости с качеством жизни, психическим и соматическим здоровьем (Dawson et al, 2007).

Эмоциональная сфера созависимых, как отмечается в литературе, характеризуется высокой тревожностью и необъективным чувством вины, а также ростом депрессивных переживаний (Бердичевский et al, 2021; Шаповалов, Голенищева, 2021; Hugcom, Copello, 2000). Для данной категории лиц характерны чувство угрызений совести, вызывающее агрессивные тенденции и самоуничтожение, а также непереносимость обиды (Политика, 2020; Irvine, 1995). Некоторые исследователи говорят о когнитивной, эмоциональной и духовной ригидности созависимых (Lampis et al, 2017). При этом ранимость, эмоциональная неустойчивость, самобичевание, подавление своих чувств, склонность судить других могут сочетаться с высокой общительностью, открытостью, вниманием к людям и доверчивостью (Абакумова, Бессонова, Коленова, 2017; Чередниченко, Карась, 2021; Lampis et al, 2017). Показано, что формирование созависимости и сопутствующих эмоциональных нарушений может начинаться еще в родительской семье, что согласуется с исследованиями А.Б. Холмогоровой (2011), предлагающей многофакторную психосоциальную модель расстройств аффективного спектра, в которой важная роль отводится особенностям семейной системы.

Основными изменениями в когнитивной сфере при созависимости являются снижение когнитивного контроля, проявляющееся в обсессивно-компульсивных тенденциях, нарушение волевой регуляции, склонность к морализму (завышенные стандарты оценки поведения). На поведенческом уровне отмечаются приспособление к житейским неудобствам, концентрация всех действий на аддикте, а также перфекционистские тенденции (Политика, 2020). У людей с созависимостью выражено чувство тревоги и беспокойства в новых и непривычных ситуациях, болезненное восприятие критики, недоверие даже к похвале, а также непризнание собственных достижений. Все это затрудняет поиск выхода из сложных ситуаций и принятие взвешенных решений (Абакумова, Бессонова, Коленова, 2017). Отмечается, что чем выше уровень созависимости, тем сильнее ощущение собственной несостоятельности и ненужности, а также труднее переживается одиночество. Высокий уровень созависимости связан с повышенной социальной тревогой, отчаянием, негативным восприятием временной перспективы, подавленностью, утратой надежды, демонстративностью и аффективностью суицидального поведения (Кулиш, 2018; Меринов, 2015; Сомкина, 2016; Чередниченко, Карась, 2021; Bacon et al, 2020).

Таким образом, анализ литературы позволяет обнаружить у созависимых ряд особенностей психической жизни, в отношении которых предлагаются различные, иногда противоречивые стратегии вмешательства: в качестве мишеней терапии рассматриваются когнитивные заблуждения и когнитивные схемы, присутствующие в опыте созависимого («smart recovery», craft), внутриличностные конфликты, особенности семейной системы, причины возникновения жертвенной позиции и др. Отсутствие консенсуса в выборе мишеней психологической работы свидетельствует о необходимости уточнения специфики в регуляции аффективных проявлений у созависимых. В этой связи **целью** настоящего исследования было выявление особенностей эмоциональной сферы и агрессивности у созависимых женщин.

Материалы и методы

Выборка. В исследовании приняли участие 233 женщины в возрасте от 18 до 70 лет, из них 102 на момент обследования находились в отношениях или состояли в родстве с зависимым (алкоголизм, наркомания, нехимические зависимости).

Участники исследования были разделены на две основные группы (группы № 1 и № 2) и одну контрольную (группа № 3).

1. Группа № 1: 102 женщины, находящиеся в отношениях или состоящие в родстве с зависимым членом семьи (алкоголизм, наркомания, нехимические зависимости).

2. Группа № 2 (высокий уровень созависимости): 68 женщин, не отметивших в своем анамнезе зависимого партнера или родственника, но имеющие выраженный уровень созависимости по результатам психологического тестирования.

3. Группа № 3 (контрольная группа): 63 женщины, не отметивших в своем анамнезе зависимого партнера или родственника и имеющие низкий или средний уровень созависимости по результатам психологического тестирования.

В соответствии с целью исследования была выдвинута следующая гипотеза: эмоциональная сфера и проявления агрессивности у созависимых женщин имеют свою специфику. В частности, предполагается, что: 1) степень выраженности созависимости связана с характеристиками аффективной сферы, тяжестью невротических симптомов и агрессивностью; 2) группы испытуемых будут различаться по предпочитаемым стратегиям когнитивной регуляции эмоций, особенностям проявления эмпатии, показателям невротической симптоматики.

Процедура. Опрос респондентов проводился с использованием анкеты, в которой участники указывали пол, возраст, описывали вид зависимости у близкого человека и их роль в отношениях (например, супруг, родитель, ребенок и др.), а также психодиагностических методик, подобранных в соответствии с целью тестирования. В зависимости от наличия у участниц зависимого близкого и степени созависимости было сформировано три группы испытуемых (см. описание выборки). Всем респондентам предлагались единообразные бланки для тестирования и анкетирования. Участие в исследовании было анонимным и добровольным.

В ходе исследования были использованы следующие *методы*:

1. Метод анализа научной литературы.

2. Методы психологического тестирования и анкетирования (испытуемые заполняли авторскую анкету, Шкалу созависимости (Б. Уайнхолд, Дж. Уайнхолд), опросник «Ауто- и гетероагрессия» (Е.П. Ильин), Госпитальную шкалу тревоги и депрессии (HADS), Шкалу обсессивно-фобических нарушений Клинического опросника для выявления и оценки невротических состояний (К.К. Яхин, Д.М. Менделевич), Опросник когнитивной регуляции эмоций (Рассказова Е.И., Леоно-

ва А.Б., Плужников И.В.) и методику «Диагностика уровня эмпатии» (В.В. Бойко).

3. Методы математической статистики: для определения соответствия эмпирического распределения нормальному закону был использован критерий Шапиро—Уилка; для изучения характеристик взаимосвязи между исследуемыми показателями — коэффициент ранговой корреляции Спирмана (в качестве апостериорного анализа был использован метод Холма), для оценки значимости различий при сравнительном анализе — непараметрический критерий Крускала—Уолиса (в качестве апостериорного анализа было проведено попарное сравнение по методу Данна).

Анализ данных. В ходе анализа первичных данных нами был использован базовый пакет Excel Microsoft Word 2017. Статистическая обработка осуществлялась с применением программного пакета JASP (версия 0.16).

Результаты

Предварительная проверка распределения данных по исследуемым шкалам показала, что оно отличается от нормального, что обусловило использование коэффициента корреляции Спирмана для исследования связи выраженности созависимости с параметрами эмоциональной сферы и агрессивности¹.

Корреляционный анализ показал, что существуют достоверные значимые взаимосвязи между степенью выраженности созависимого поведения и характеристиками аффективной сферы (табл. 1): положительные корреляции выявлены с показателями по шкалам «Рациональный канал эмпатии», «Эмоциональный канал эмпатии», «Самообвинение», «Принятие», «Руминации», «Катастрофизация» и «Обвинение других»; отрицательная связь — с показателем по шкале «Проникающая способности к эмпатии».

Показано, что существует положительная взаимосвязь между степенью выраженности созависимости и такими невротическими характеристиками, как тревога, депрессия и аутоагрессия, и отрицательная — с тяжестью обсессивно-фобических нарушений (табл. 2).

---

¹ Далее в таблицах приводятся данные только по тем подшкалам опросников, по которым были получены достоверные связи и различия.

Таблица 1/ Table 1

**Корреляционные связи между показателем шкалы созависимости
и характеристиками аффективной сферы (N = 233) /
Correlations between the codependency scale score and characteristics
of the affective sphere (N = 233)**

Параметры / Parameters	Показатели эмпатии / Empathy indicators			Показатели когнитивной регуляции эмоций / Indicators of cognitive regulation of emotions				
	Рациональный канал эмпатии / Rational channel of empathy	Эмоциональный канал эмпатии / Emotional Channel of Empathy	Проникающая способность к эмпатии / Ability to foster an open and trusting empathic connection	Самообвинение / Self-blame	Принятие / Acceptance	Руминации / Rumination	Катастрофизация / Catastrophizing	Обвинение других / Blaming others
Опросник созависимости / Code- pendency scale	0,262*	0,360**	−0,255*	0,332***	0,253*	0,343***	0,421***	0,341***

Примечание: «*» — $p \leq 0,05$; «**» — $p \leq 0,01$; «***» — $p \leq 0,001$.

Note: «*» — $p \leq 0,05$; «**» — $p \leq 0,01$; «***» — $p \leq 0,001$.

Таблица 2 / Table 2

**Корреляционные связи между показателями шкалы созависимости
и выраженностью невротических симптомов и агрессии (n = 233) /
Correlations between the codependency scale scores and the severity of neurotic
symptoms and aggression (n = 233)**

Параметры / Parameter	Шкала обсессивно- фобических нарушений / Obsessive-phobic disorder scale	Тревога / Anxiety	Депрессия / Depression	Аутоагрессия / Autoaggression	Гетероагрессия / Heteroaggression
Опросник созависимости / Codependency scale	−0,622***	0,55***	0,442***	0,505***	0,105

Примечание: «*» — $p \leq 0,05$; «**» — $p \leq 0,01$; «***» — $p \leq 0,001$.

Note: «*» — $p \leq 0,05$; «**» — $p \leq 0,01$; «***» — $p \leq 0,001$.

Таким образом, корреляционный анализ показал (табл. 1 и табл. 2), что чем выше выраженность созависимости, тем более выражены интерес к мыслям и чувствам других людей, а также дисфункциональные стратегии когнитивной регуляции эмоций (самообвинение, руминации, катастрофизация, обвинение других), способные провоцировать «застывание» в негативных переживаниях. Наличие значимой положительной связи с более функциональной стратегией «Принятие» может говорить о некотором уровне «комфортности» этих негативных переживаний. Необходимо также отметить, что при высокой созависимости снижается проникающая способность эмпатии — коммуникативное свойство, позволяющее создавать атмосферу открытости и доверительности в общении. Ослабление этой способности приводит к тому, что взаимодействие становится более напряженным, неестественным, настороженным, что затрудняет взаимное раскрытие и может существенно осложнять контакт.

Показатели проявления созависимого поведения также связаны с повышением уровней тревоги, депрессии, аутоагрессии и обсессивно-фобической симптоматики (поскольку низкие баллы по шкале соответствуют большей выраженности нарушений), что может отражать трудности в совладании со своими мыслями и эмоциями, а также склонность к саморазрушающему поведению.

Для проверки предположения о том, что исследуемые группы могут различаться по предпочитаемым стратегиям когнитивной регуляции эмоций, особенностям проявления эмпатии и выраженности невротических симптомов был проведен сравнительный анализ с использованием критерия Крускала—Уолиса и post-hoc-теста Данна.

В отношении особенностей эмпатии в исследуемых нами группах удалось установить ряд достоверных различий, которые представлены в табл. 3

В результате апостериорного анализа попарным сравнением по методу Данна показано, что по шкале «Эмоциональный канал эмпатии» наиболее выражены различия между группой № 2 и группой № 3 ($z = 3,343$ при $p < 0,001$), а также группой № 1 и группой № 3 ($z = -2,889$ при $p = 0,004$). По шкале «Установки, способствующие эмпатии» — между группой № 2 и группой № 3 ($z = 2,322$ при $p = 0,020$), а также группой № 1 и группой № 2 ($z = 2,944$ при $p = 0,005$). По шкале «Проникающая способность в эмпатии» различия получены между группой № 2 и группой № 3 ($z = -3,287$ при $p < 0,001$), а также между группой № 1 и группой № 3 ($z = 3,354$ при $p < 0,001$).

Таким образом, женщины с выраженным созависимым поведением (группа № 2), в сравнении с контрольной группой (группа № 3), демонстри-

Таблица 3 / Table 3

**Результаты сравнительного анализа проявлений эмпатии
в исследуемых группах /
Results of a comparative analysis of manifestations of empathy
in the study groups**

Параметры / Parameter	Группа № 1 / Group № 1	Группа № 2 / Group № 2	Группа № 3 / Group № 3	Достоверность различий (Kruskal— Wallis test)	
				Н	p
Эмоциональный канал эмпатии / Emotional Channel of Empathy	3,186	3,324	2,54	12,633	0,002
Установки, способствующие эмпатии / Attitudes that Promote Empathy	3,412	3,971	3,492	9,438	0,009
Проникающая способность в эмпатии / Ability to foster an open and trusting empathic connection	3,52	3,485	4,27	14,081	< 0,001

Примечание: группа № 1 — женщины, состоящие в отношениях или в родстве с зависимым (n = 102); группа № 2 — женщины, не отметившие в анамнезе зависимого партнера или родственника, но имеющие высокий уровень созависимости (n = 68); группа № 3 — контрольная группа (n = 63); Н — значение критерия Краскела—Уоллиса; p — уровень статистической значимости различий.

Note: group № 1 — women in a relationship or relative with an addict (n = 102); group № 2 — women who did not report having an addicted partner or relative in their medical history, but who had a high level of codependency (n = 68); group № 3 — control group (n = 63); Н — Kruskal—Wallis test value; p — level of statistical significance of differences.

руют более высокие средние значения по шкалам «Эмоциональный канал эмпатии» и «Установки, способствующих эмпатии», и более низкие показатели по шкале «Проникающая способности к эмпатии». При сравнении группы № 1 (женщины, отметивших наличие в своем окружении зависимого близкого) с контрольной (группа № 3) также выявлены более высокие значения по эмоциональному каналу эмпатии и снижение ее проникающей способности. Это означает, что даже при отсутствии выраженной созависимости наличие зависимого в близком окружении влияет на эмоциональную

отзывчивость женщины и качество контакта в межличностных отношениях (снижает его открытость и доверительность). Кроме того, группа № 1 также отличается от группы № 2 менее выраженными установками, способствующими эмпатическому взаимодействию. Вероятно, это может объясняться тем, что женщины из группы № 1, сталкиваясь с зависимостью близкого, вырабатывают определенную эмоциональную дистанцию по отношению к нему в качестве защитного механизма, позволяющего сохранять в сложных условиях психологическую устойчивость.

В отношении стратегий когнитивной регуляции эмоций также были получены значимые различия между исследуемыми группами (табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

**Результаты сравнительного анализа особенностей когнитивной
регуляции эмоций в исследуемых группах /
Results of a comparative analysis of the characteristics of cognitive
regulation of emotions in the study groups**

Параметры / Parameter	Группа № 1 / Group № 1	Группа № 2 / Group № 2	Группа № 3 / Group № 3	Достовер- ность различий (Kruskal—Wallis test)	
				Н	р
Самообвинение / Self-blame	12,627	12,5	10,444	19,8	< 0,001
Руминация / Rumination	13,176	13,662	11,54	13,919	< 0,001
Рассмотрение в перспективе / Perspective-taking	12,431	12,603	10,952	10,521	0,005
Катастрофизация / Catastrophizing	8,706	9,176	7,143	17,303	< 0,001
Обвинение других / Blaming others	8,039	9,059	7,444	12,525	0,002

Примечание: группа № 1 — женщины, состоящие в отношениях или в родстве с зависимым (n = 102); группа № 2 — женщины, не отметившие в анамнезе зависимого партнера или родственника, но имеющие высокий уровень созависимости (n = 68); группа № 3 — контрольная группа (n = 63); Н — значение критерия Краскела—Уоллиса; р — уровень статистической значимости различий.

Note: group 1 — women in a relationship or relative with an addict (n = 102); group 2 — women who did not report having an addicted partner or relative in their medical history, but who had a high level of codependency (n = 68); group 3 — control group (n = 63); Н — Kruskal—Wallis test value; р — level of statistical significance of differences.

В результате попарного сравнения по шкале «Самообвинение» значимые различия были получены между группой № 2 и группой № 3 ($z = 3,697$ при $p_{\text{holm}} < 0,001$), группой № 1 и группой № 3 ($z = 4,135$ при $p < 0,001$); по шкале «Руминации» — между группой № 2 и группой № 3 ($z = 3,559$ при $p < 0,001$), а также группой № 1 и группой № 3 ($z = -2,939$ при $p = 0,003$); по шкале «Рассмотрение в перспективе» — между группой № 2 и группой № 3 ($z = 2,953$ при $p = 0,005$), группой № 1 и группой № 3 ($z = -2,779$ при $p = 0,005$); по шкале «Катастрофизация» — между группой № 2 и группой № 3 ($z = 3,812$ при $p < 0,001$), группой № 1 и группой № 3 ($z = -3,532$ при $p < 0,001$); по шкале «Обвинение других» — между группой № 2 и группой № 3 ($z = 3,506$ при $p < 0,001$), группой № 1 и группой № 2 ($z = 2,288$ при $p = 0,022$).

Таким образом, по всем указанным стратегиям когнитивной регуляции эмоций наименьшие значения демонстрирует контрольная группа (группа № 3), что свидетельствует о меньшей склонности ее участниц к использованию дисфункциональных стратегий эмоциональной саморегуляции. Интересно, что по шкале «Обвинение других» группа № 1 демонстрирует более низкие значения по сравнению с группой № 2, но более высокие значения по сравнению с группой № 3. Это может свидетельствовать о том, что женщины из группы № 1, имеющие в своем ближайшем окружении зависимого человека, менее склонны к обвинению других, чем женщины с выраженной созависимостью (группа № 2), что может объясняться их стремлением сохранить отношения с зависимым и фиксацией на его чувствах.

Результаты сравнительного анализа невротических симптомов и агрессии в группах испытуемых представлены в табл. 5.

В результате попарного сравнения по тесту Данна были получены значимые различия по шкале «Аутоагрессия» между группой № 2 и группой № 3 ($z = 3,546$ при $p < 0,001$), группой № 1 и группой № 3 ($z = -4,058$ при $p < 0,001$). По шкале «Гетероагрессия» были получены значимые различия между группой № 2 и группой № 3 ($z = 2,452$ при $p = 0,021$); по шкале «Обсессивно-фобических нарушений» — между группой № 2 и группой № 3 ($z = -5,108$ при $p < 0,001$), группой № 1 и группой № 3 ($z = 3,342$ при $p < 0,001$), между группой № 2 и группой № 1 ($z = -2,285$ при $p = 0,011$). По шкале «Тревога» различия получены между группой № 2 и группой № 3 ($z = 4,147$ при $p < 0,001$), группой № 1 и группой № 3 ($z = -4,252$ при $p < 0,001$); по шкале «Депрессия» — между группой № 2 и группой № 3 ($z = 2,954$ при $p = 0,003$); группой № 1 и группой № 3 ($z = -3,486$ при $p < 0,001$).

Таблица 5 / Table 5

**Выраженность проявлений невротических симптомов
и агрессии в исследовательских группах /
Severity of manifestations of neurotic symptoms and aggression
in research groups**

Параметры / Parameter	Группа № 1 / Group № 1	Группа № 2 / Group № 2	Группа № 3 / Group № 3	Достоверность раз- личий (Kruskal— Wallis test)	
				H	p
Аутоагрессия / Autoaggression	3,765	3,662	2,286	18,76	< 0,001
Гетероагрессия / Heteroaggression	3,696	4,059	3,143	6,125	0,047
Шкала обсессивно-фобических нарушений / Obsessive-Phobic Disorders Scale	—1,643	—3,155	0,608	26,39	< 0,001
Тревога / Anxiety	8,098	8,324	5,698	22,531	< 0,001
Депрессия / Depression	4,373	4,353	2,841	13,566	< 0,001

Примечание: группа № 1 — женщины, состоящие в отношениях или в родстве с зависимым (n = 102); группа № 2 — женщины, не отметившие в анамнезе зависимого партнера или родственника, но имеющие высокий уровень созависимости (n = 68); группа № 3 — контрольная группа (n = 63); H — значение критерия Краскела—Уоллиса; p — уровень статистической значимости различий.

Note: group 1 — women in a relationship or relative with an addict (n = 102); group 2 — women who did not report having an addicted partner or relative in their medical history, but who had a high level of codependency (n = 68); group 3 — control group (n = 63); H — Kruskal—Wallis test value; p — level of statistical significance of differences.

Таким образом, для женщин из группы № 1 (женщины, состоящие в отношениях или в родстве с зависимым) и группы № 2 (высокий уровень созависимости) характерны более высокие значения тревоги, депрессии, ауто- и гетероагрессии и выраженности обсессивно-фобических черт в сравнении с контрольной группой (группа № 3). Группа № 2 имеет значительно более высокие показатели обсессивно-фобической симптоматики не только в сравнении с контрольной группой, но и в сравнении с группой № 1. При этом группа № 1 также достоверно отличается от контрольной группы, но ее показатели остаются в пределах зоны неустойчивой психической адаптации и ниже, чем у группы № 2. Это может указывать на то, что выраженная созависимость (группа № 2) связана с более интенсивны-

ми навязчивыми мыслями и страхами, что подчеркивает роль личностных особенностей и уровня эмоциональной вовлеченности в формировании обсессивно-фобической симптоматики.

Обсуждение результатов

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о специфике эмоциональной сферы и проявлений агрессии у созависимых женщин. Показано, что выраженность созависимости достоверно связана с характеристиками аффективной сферы, аутоагрессией и невротическими проявлениями — тревогой, депрессией, обсессивно-фобическими нарушениями. Это согласуется с данными предыдущих работ отечественных и зарубежных авторов (Андронникова, 2017; Береза, Исаева, 2018; Гроголева, Деш, 2017; Меринов et al, 2015; Orford et al, 2010) и подтверждается рядом более поздних исследований (Игнатенко, 2022; Шаповалов, Голенищева, 2021; Danilova, Gomba, 2021; Pagano-Stalzer, 2021). Полученные данные в целом согласуются с исследованиями, показывающими, что созависимость связана с высокой склонностью испытывать вину за происходящее, принятием происходящих негативных явлений (Перминова, 2017; Sala, 2018), излишним сосредоточением на мыслях о событиях, а также катастрофизацией, т. е. тенденцией преувеличивать негативные последствия (Hurcom, Copello, 2000).

В исследовании О.Л. Писаревой и А. Гриценко (2011), посвященном адаптации Шкалы трудностей эмоциональной регуляции (авторы оригинала Gratz и Roemer, 2004), были получены положительные корреляции тревоги и депрессии со следующими стратегиями когнитивной регуляции эмоций: самообвинением, руминациями и катастрофизацией.

В текущем исследовании имеется расхождение с результатами, полученными в других работах, в частности в исследовании О.Л. Писаревой и А. Гриценко: нами были обнаружены статистически достоверные прямые связи стратегии приятия с созависимостью (и созависимости с тревогой), в то время как в других работах отмечается наличие отрицательных связей между одноименной стратегией и интенсивностью тревоги. Мы предполагаем, что данная тенденция может быть объяснена тем, что стратегия принятия выступает как механизм совладания с интенсивными и длительными негативными переживаниями.

В межличностном плане полученные данные позволяют предположить, что с ростом уровня созависимости усиливается способность женщин к

эмоциональному сопереживанию и пониманию чувств другого человека; одновременно с этим они испытывают сложности с созданием атмосферы открытых и доверительных взаимоотношений, что также находит подтверждение в исследованиях других авторов (Султанова et al, 2022).

Интересными, на наш взгляд, являются различия, отмеченные при сравнении женщин с выраженным созависимым поведением, но не отметивших в близком окружении зависимых людей (группа № 2) с группой № 1: в отличие от контрольной группы у женщин с высокой созависимостью (группа № 2) формируется устойчивый паттерн эмоциональной вовлеченности, который сопровождается навязчивыми мыслями, страхами и трудностями в создании доверительных отношений.

Ценность полученных результатов заключается в уточнении механизмов созависимого поведения, что позволяет наметить направления психологических интервенций. Наиболее актуальной является разработка рекомендации по работе с когнитивной сферой данных клиентов с применением методов когнитивно-поведенческой терапии, включая АСТ и SMART-recovery. Учитывая описанные особенности регуляции эмоций и выявленную связь между созависимостью, невротическими проявлениями и агрессией (подшкалы «Тревога», «Депрессия», «Аутоагрессия») целесообразно дополнительно привлекать таких женщин к тренинговым группам диалектико-поведенческой терапии М. Линехан с целью сочетания когнитивной работы с развитием навыков осознанности, стрессоустойчивости, эмоциональной регуляции и межличностной эффективности, что позволит создать комплексный подход к психологической коррекции.

Кроме того, полученные результаты позволяют выделить специализированные мишени психологической помощи. Так, в исследовании удалось установить, что женщины, имеющие в близком окружении зависимого человека (партнер или родственник), склонны возлагать ответственность за негативные события на себя, а значит, в консультировании и психотерапии нуждаются в помощи при проработке убеждений, направленных на себя (самообвинение, самобичевание и т. д.), в то время как женщины, не указавшие зависимого человека в своем окружении, но имеющие высокий уровень созависимости, в большей степени склонны перекладывать ответственность на других, а значит, в работе с ними нужно сосредоточиваться на поиске конструктивных ресурсов для их выхода в саморефлексию и принятие ответственности.

Заключение

Целью проведенного исследования было выявление специфики эмоциональной сферы и особенностей агрессивности у созависимых женщин. В результате статистического анализа мы смогли выявить эмпирические факты, подтверждающие основную гипотезу исследования — эмоциональная сфера и проявления агрессии созависимых женщин имеют свою специфику, а также частных гипотез.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Выраженность созависимости достоверно связана с характеристиками аффективной сферы, особенностями проявления агрессии, выраженностью невротических симптомов тревоги, депрессии и обсессивно-фобическими нарушениями. В частности показано, что более высокая выраженность созависимости достоверно связана с повышением интереса к мыслям и чувствам других людей, а также с предпочтением стратегии принятия и таких дисфункциональных стратегий когнитивной регуляции эмоций, как самообвинение, руминации, катастрофизация, обвинение других. При этом при высокой созависимости снижается проникающая способность эмпатии и повышаются уровни тревоги, депрессии, аутоагрессии и проявления обсессивно-фобических нарушений.

2. Для женщин, отметивших наличие в своем окружении зависимого (группа № 1), по сравнению с контрольной группой характерны более выраженный интерес к эмоциям партнера, снижение способности создавать доверительные отношения, склонность испытывать вину и принимать ответственность за происходящее, более выраженная склонность застревать на негативных мыслях и преувеличивать негативные последствия, большая склонность к мысленному отстранению от серьезности события, а также более высокие уровни тревоги, депрессии, аутоагрессии и выраженности обсессивно-фобических нарушений (в пределах зоны неустойчивой психической адаптации).

3. Для женщин, демонстрирующих высокий уровень созависимости (группы № 2), в сравнении с контрольной группой (группа № 3), также выявлены более высокие значения по эмоциональному каналу эмпатии, снижение проникающей способности эмпатии, склонность к самообвинению и обвинению других, тенденция застревать на негативных мыслях и преувеличивать негативные последствия, большая склонность к мысленному отстранению от серьезности события, а также более высо-

кие показатели тревоги, депрессии, ауто- и гетероагрессии и выраженные обсессивно-фобические нарушения.

4. Созависимость формирует в поведении устойчивые паттерны, которые усиливают невротическую симптоматику и приближают личность к более стойким и глубоким формам эмоциональной дезадаптации. Для женщин, демонстрирующих высокий уровень созависимости (группы № 2), в сравнении с женщинами, отметившими в своем окружении зависимого (группа № 1), характерны проявление более ригидных установок в отношении эмоций других людей, повышенная склонность к обвинению окружающих и более выраженные обсессивно-фобические нарушения.

Ограничения. Необходимо отметить, что проведенное исследование имеет некоторые ограничения. Во-первых, полученные результаты могут быть уточнены при расширении объема выборки, в частности, могут быть рассмотрены возрастные особенности и характер отношений с зависимым. Во-вторых, в выборке были женщины, чьи близкие имели различные формы зависимости, однако их количество оказалось недостаточным для проведения сравнительного анализа между теми, кто состоит в родственных или партнерских отношениях с аддиктами разных типов. Дальнейшее изучение этого вопроса позволит глубже понять особенности созависимого поведения и подходы к терапии.

Limitations. It should be noted that this study has several limitations. First, the results obtained could be refined by expanding the sample size, specifically by examining age characteristics and the nature of the relationship with the addict. Second, the sample included women whose loved ones had various forms of addiction, but their number was insufficient to conduct a comparative analysis between those in family or partner relationships with addicts of different types. Further study of this issue will provide a deeper understanding of the characteristics of codependent behavior and treatment approaches.

Список источников / References

1. Абакумова, И.В., Бессонова, Н.Н., Коленова, А.С. (2017). Психологические особенности женщин, подвергавшихся насилию со стороны наркозависимого супруга. *Мир науки: Интернет-журнал*, 5(6), 68. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/84PSMN617.pdf> (дата обращения: 04.04.2023).
Abakumova, I.V., Bessonova, N.N., Kolenova, A.S. (2017). Psychological characteristics of women who have experienced violence from a drug-addicted spouse. *Mir Nauki: Internet Journal*, 5(6), 68. (In Russ.). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/84PSMN617.pdf> (viewed: 04.04.2023).

2. Андронникова, О.О. (2017). Виктимная идентичность личности созависимого типа. *Сибирский педагогический журнал*, 2, 92—97.
Andronnikova, O.O. (2017). Victim identity of a codependent personality. *Siberian Pedagogical Journal*, 2, 92—97. (In Russ.).
3. Береза, Ж.В., Исаева, Е.Р. (2018). Психологические характеристики матерей больных наркоманией с низким и высоким уровнем созависимости. *Научное мнение*, 7(8), 78—85. <https://doi.org/10.25807/PBH.22224378.2018.7-8.78.85>
Bereza, Zh.V., Isaeva, E.R. (2018). Psychological characteristics of mothers of drug-addicted children with low and high levels of codependency. *Scientific Opinion*, 7(8), 78—85. (In Russ.). <https://doi.org/10.25807/PBH.22224378.2018.7-8.78.85>
4. Бердичевский, А.А., Падун, М.А., Гагарина, М.А., Архипова, М.В. (2021). Эмоциональная регуляция у лиц, находящихся в созависимых отношениях. *Клиническая и специальная психология*, 10(4), 185—204. <https://doi.org/10.17759/crpe.2021100409>
Berdichevsky, A.A., Padun, M.A., Gagarina, M.A., Arkhipova, M.V. (2021). Emotional regulation in individuals in codependent relationships. *Clinical and Special Psychology*, 10(4), 185—204. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/crpe.2021100409>
5. Гроголева, О.Ю., Деш, В.В. (2017). Иррациональные убеждения, тревожность и агрессивность созависимых женщин. В: *Молодежь третьего тысячелетия: Сборник научных статей* (с. 1523—1527). Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского.
Grogoleva, O.Yu., Desh, V.V. (2017). Irrational beliefs, anxiety, and aggressiveness in codependent women. In: *Youth of the Third Millennium: Collection of Scientific Articles* (pp. 1523—1527). Omsk: Dostoevsky Omsk State University. (In Russ.).
6. Игнатенко, А.П. (2022). Психологический анализ созависимого поведения. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 5(3), 18—30. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2022-5-3-18-30>
Ignatenko, A.P. (2022). Psychological analysis of codependent behavior. *Innovative Science: Psychology, Pedagogy, Defectology*, 5(3), 18—30. (In Russ.). <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2022-5-3-18-30>
7. Кулиш, Н.С. (2018). Созависимость в парах как депрессивный невроз. *Психология и педагогика в Крыму: пути развития*, 3, 26—36.
Kulish, N.S. (2018). Codependency in couples as depressive neurosis. *Psychology and Pedagogy in Crimea: Paths of Development*, 3, 26—36. (In Russ.).
8. Малкина, С.А. (2021). Анализ дефиниций конструкта «созависимость»: созависимость как психическое состояние. *Проектирование. Опыт. Результат*, 3, 27—30.
Malkina, S.A. (2021). Analysis of the definition of the construct “codependency”: codependency as a mental state. *Design. Experience. Result*, 3, 27—30. (In Russ.).
9. Меринов, А.В., Шитов, Е.А., Лукашук, А.В., Сомкина, О.Ю. (2015). Аутоагрессивная характеристика женщин, состоящих в браке с мужчинами,

- страдающими алкоголизмом. *Российский медико-биологический вестник имени академика И.П. Павлова*, 4, 81—86.
- Merinov, A.V., Shitov, E.A., Lukashuk, A.V., Somkina, O.Yu. (2015). Autoaggressive characteristics of women married to men suffering from alcoholism. *Russian Medical-Biological Bulletin named after Academician I.P. Pavlov*, 4, 81—86. (In Russ.).
10. Перминова, Ю.А. (2017). Саморазрушающее поведение у супругов мужчин, страдающих алкогольной зависимостью. *Здравоохранение Югры: опыт и инновации*, 3, 70—72.
- Perminova, Yu.A. (2017). Self-destructive behavior in spouses of men suffering from alcohol dependence. *Healthcare of Yugra: Experience and Innovations*, 3, 70—72. (In Russ.).
11. Писарева, О.Л., Гриценко, А. (2011). Когнитивная регуляция эмоций. *Философия и социальные науки*, 2, 64—68.
- Pisareva, O.L., Gritsenko, A. (2011). Cognitive regulation of emotions. *Philosophy and Social Sciences*, 2, 64—68. (In Russ.).
12. Политика, О.И. (2020). Профиль созависимой личности в аддиктивных отношениях. *Международный научно-исследовательский журнал*, 5-3(95), 207—210. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.95.5.122>
- Politika, O.I. (2020). The profile of a codependent personality in addictive relationships. *International Research Journal*, 5-3(95), 207—210. (In Russ.). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.95.5.122>
13. Полкова, К.В. (2018). Саморазрушающее поведение в семьях мужчин, страдающих алкогольной зависимостью, с позиций «поведения жертвы». *Здравоохранение Югры: опыт и инновации*, 3, 52—55.
- Polkova, K.V. (2018). Self-destructive behavior in families of men suffering from alcohol dependence from the perspective of “victim behavior”. *Healthcare of Yugra: Experience and Innovations*, 3, 52—55. (In Russ.).
14. Сомкина, О.Ю. (2016). Виктимологические особенности женщин, состоящих в браке с мужчинами, больными алкоголизмом. *Академический журнал Западной Сибири*, 1(62), 94—98.
- Somkina, O.Yu. (2016). Victimological characteristics of women married to men with alcoholism. *Academic Journal of Western Siberia*, 1(62), 94—98. (In Russ.).
15. Султанова, А.Н., Филь, Т.А., Гаджиев, У.Х., Станкевич, А.С., Чут, У.Ю., Жданова, А.Г., Баранова, Д.Е., Орлов, А.Е., Шкиря, Е.Е., Тошмирзаева, Г.Э., Сычева, Т.Ю., Лобастов, Р.Л., Карафинка, П.М., Киселева, А.А. (2022). Сущность феномена созависимости в представлении разных авторов. *Международный научно-исследовательский журнал*, 5(119), 212—217. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.119.5.040>
- Sultanova, A.N., Fil, T.A., Gadzhiev, U.Kh., Stankevich, A.S., Chut, U.Yu., Zhdanova, A.G., Baranova, D.E., Orlov, A.E., Shkiry, E.E., Toshmirzaeva, G.E., Sycheva, T.Yu., Lobastov, R.L., Karafinka, P.M., Kiseleva, A.A. (2022). The essence of the phenomenon of codependency in the representation of different authors. *International Research Journal*, 5(119), 212—217. (In Russ.). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.119.5.040>

16. Холмогорова, А.Б. (2011). *Интегративная психотерапия расстройств аффективного спектра*. М.: ИД Медпрактика-М.
Kholmogorova, A.B. (2011). *Integrative psychotherapy of affective spectrum disorders*. Moscow: ID Medpraktika-M. 480 p. (In Russ.).
17. Чередниченко, Н.И., Карась, И.С. (2021). Взаимосвязь уровня созависимости и суицидальных рисков у молодых женщин и мужчин. *Мир науки. Педагогика и психология*, 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/04PSMN421.pdf> (дата обращения: 04.04.2023).
Cherednichenko, N.I., Karas, I.S. (2021). The relationship between the level of codependency and suicidal risks in young women and men. [Electronic resource]. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/04PSMN421.pdf> (viewed: 04.04.2023). (In Russ.).
18. Шаповалов, В., Голенищева, Е. (2021). Особенности эмоциональной сферы у созависимых женщин. *Norwegian Journal of Development of the International Science*, 65(2), 57—59. <https://doi.org/10.24412/3453-9875-2021-65-2-57-59>
Shapovalov, V., Golenishcheva, E. (2021). Features of the emotional sphere in codependent women. *Norwegian Journal of Development of the International Science*, 65(2), 57—59. (In Russ.). DOI 10.24412/3453-9875-2021-65-2-57-59
19. Шорохова, О.А. (2002). *Жизненные ловушки зависимости и созависимости*. СПб.: Речь.
Shorokhova, O.A. (2002). Life traps of addiction and codependency. St. Petersburg: Rech. (In Russ.).
20. Bacon, I., McKay, E., Reynolds, F. et al. (2020). The Lived Experience of Codependency: an Interpretative Phenomenological Analysis. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 18, 754—771. <https://doi.org/10.1007/s11469-018-9983-8>
21. Bokhan, N.A., Mandel, A.I., Stoyanova, I.Ya., Mazurova, L.V., Aslanbekova, N.V. (2013). Psychological Defense and Strategies of Coping in Alcohol Dependence and Co-Dependence in Women. *Journal of Psychology & Psychotherapy*, 3(128). <https://doi.org/10.4172/2161-0487.1000128>
22. Danilova, M., Gomba, N. (2021). Psychological features of the codependent personality in the time perspective. *Living Psychology*, 3, 49—55. <https://doi.org/10.51233/2413-6522-2021-49-55>
23. Hoenigmann, N., Whitehead, G. (2006). The Relationship Between Codependency and Borderline and Dependent Personality Traits. *Alcoholism Treatment Quarterly*, 24(4), 55—77. https://doi.org/10.1300/J020v24n04_05.
24. Nordgren, J., Richert, T., Svensson, B., Johnson, B. (2020). Say no and close the door? Codependency troubles among parents of adult children with drug problems in Sweden. *Journal of Family Issues*, 41(5), 567—588. <https://doi.org/10.1177/0192513X19879200>
25. Dawson, D.A., Grant, B.F., Chou, P., Stinson, F.S. (2007). The Impact of Partner Alcohol Problems on Women's Physical and Mental Health. *Alcohol and Drugs*, 68(1), 66—75. <https://doi.org/10.15288/jsad.2007.68.66>

26. Hurcom, C., Copello, A. (2000). The family and alcohol: Effects of excessive drinking and conceptualization of spouses over recent decades. *Substance Use & Misuse*, 35(4), 473—502.
27. Lampis, J., Cataudella, S., Busonera, A. et al. (2017). The role of differentiation of the self and dyadic adaptation in predicting codependency. *Modern Family Therapy*, 39(1), 62—72. <https://doi.org/10.1007/s10591-017-9403-4>
28. Irvine, L. (1995). Codependency and Recovery: Gender, Self, and Emotions in Popular Self-Help. *Symbolic Interaction*, 18, 145—163. <https://doi.org/10.1525/si.1995.18.2.145>
29. Orford, J., Copello, A., Velleman, R. et al. (2010). Family members affected by a close relative's addiction: the stress-strain-coping-support model. *Drugs: Education, Prevention and Policy*, 17, 36—43.
30. Pagano-Stalzer, C. (2021). *Reconceptualizing Codependency: Psychometric Properties of a Novel Instrument and Clinical Correlates (doctoral dissertation)*. Adelphi University.
31. Sala, G.M. (2018). Song, Sound and Mantra: Therapeutic Applications in Healing from Codependency. *Journal of Heart Centered Therapies*, 21(2), 29—46.

Информация об авторах

Коленова Анастасия Сергеевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Региональный научный центр Российской академии образования, Южный федеральный университет (ФГБОУ ВО ЮФУ); доцент кафедры психофизиологии и клинической психологии, Донской государственный технический университет (ФГБОУ ВО ДГТУ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0715-8655>, e-mail: askolenova@gmail.com

Кукуляр Анна Михайловна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Региональный научный центр Российской академии образования, Южный федеральный университет (ФГБОУ ВО ЮФУ); доцент кафедры общей и консультативной психологии, Донской государственный технический университет (ФГБОУ ВО ДГТУ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4786-2954>, vetkina-anna@mail.ru;

Денисова Екатерина Геннадиевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Региональный научный центр Российской академии образования, Южный федеральный университет (ЮФУ); доцент кафедры психофизиологии и клинической психологии, Донской государственный технический университет (ФГБОУ ВО ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0240-8176>, e-mail: keithdenisova@gmail.com

Information about the authors

Anastasia S. Kolenova, Candidate of Psychological Sciences, Senior Researcher, Regional Research Center of the Russian Academy of Education, SFU, Associate Profes-

sor of the Department of Psychophysiology and Clinical Psychology of the Don State Technical University (FSBEI VO DSTU), Rostov-on-Don, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0715-8655>; e-mail: askolenova@gmail.com

Anna M. Kukulyar, Candidate of Psychological Sciences, Senior Researcher, Regional Research Center of the Russian Academy of Education, SFU, Associate Professor of the Department of General and Consultative Psychology of the Don State Technical University (FSBEI VO DSTU), Rostov-on-Don, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4786-2954>; e-mail: vetkina-anna@mail.ru

Ekaterina G. Denisova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Psychophysiology and Clinical Psychology of the Don State Technical University (FSBEI VO DSTU), Rostov-on-Don, Russian Federation; Senior Researcher, Regional Research Center of the Russian Academy of Education, SFU, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0240-8176>; keithdenisova@gmail.com

Вклад авторов

Коленова А.С. — идеи исследования; планирование исследования; написание и оформление рукописи; контроль за проведением исследования.

Кукуляр А.М. — аннотирование; обзор литературы и оформление списка источников; участие в интерпретации результатов.

Денисова Е.Г. — применение статистических методов для анализа данных; сбор и анализ данных; участие в интерпретации результатов; оформление рукописи.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Anastasia S. Kolenova — research concept; research planning; manuscript writing and formatting; research supervision.

Anna M. Kukulyar — annotation; literature review and compilation of the reference list; participation in the interpretation of results.

Ekaterina G. Denisova — application of statistical methods for data analysis; data collection and analysis; participation in the interpretation of results; manuscript formatting.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Этическим комитетом ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (№ протокола от 10.01.2025 г.).

Ethics statement

The study was reviewed and approved by the Ethics Committee of Moscow State University of Psychology and Education (report no, 2025/01/10).

Поступила в редакцию 30.05.2023

Received 2023.05.30

Поступила после рецензирования 30.09.2023

Revised 2023.09.30

Принята к публикации 03.03.2025

Accepted 2025.03.03